

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
Б78

Virginia Boecker
AN ASSASSIN'S GUIDE TO LOVE
AND TREASON

Перевела с английского
Ирина Нечаева

Художник
Екатерина Скворцова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Печатается с разрешения литературного агентства
Folio Literary Management, LLC.

Бекер В.

Б78 Убить королеву : [роман] / Вирджиния Бекер; [пер. с англ. И. Нечаевой]. — СПб.: Аркадия, 2021. — 320 с. — (Серия «На семи ветрах»).

ISBN 978-5-907143-89-0

Секретная миссия, возложенная на отца юной Катерины Арундел, заканчивается его гибелью. Девушка дает себе слово отомстить врагам. С этого момента начинаются ее рискованные приключения, конечная цель которых — убить королеву Англии Елизавету I.

Шекспировские времена и не менее безумные страсти под пером Вирджинии Бекер превращаются в захватывающий шпионский триллер. Кто же выйдет победителем из вечной борьбы между любовью и долгом?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

© Virginia Boecker, 2018

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2021

ISBN 978-5-907143-89-0

Пролог

ТОБИ

Собор Святого Павла, Лондон
7 января 1602 года
Две минуты после полуночи

Это необычный допрос.

Нет ни оков, ни темной камеры, ни угроз — во всяком случае, нет речи о цепях и колоде для порки или о других неприятных вещах. Зато присутствует Ричард Бэнкрофт, епископ Лондонский (а также доктор богословия, бакалавр богословия, магистр искусств и бакалавр искусств, все степени получены в Кембридже, и он считает это важным). Хотя, пожалуй, он как раз обещает грядущие неприятности, а больше ничего и не делает.

Допрос происходит в часовне крипты под собором Святого Павла. Стены здесь холодные, а свет тусклый, могильный. Нетрудно понять, почему было избрано именно это место. Оно напоминает об инквизиции, о еретиках, которых приводили сюда, потом, играя словами, обманом вырывали у них признание, а после уводили в камеру и наконец вешали за измену. Здесь нет ни стражи, ни придворных, ни случайных людей; нет глаз, ушей и ртов, которые могли бы увидеть, услышать и рассказать о том, что тут произойдет.

Этому не должно быть свидетелей.

Роберт Сесил (первый секретарь королевы Елизаветы I, если официально; глава шпионов, если нет. См. также: первый граф Солсбери, кавалер ордена Подвязки,

лорд-хранитель Малой печати, лорд-казначей, государственный секретарь. Для него это тоже важно) торжественно кладет перед собой книгу — толстую, в кожаном переплете, видевшую много лжи и предательства. На этот раз почти вся ложь моя.

Чего мы уже успели коснуться: моего имени (Тобиас Эллис — для них, герцог Орсино — для него), моего рода занятий (исследователь и шифровальщик — для них, лжец — для него), моей репутации (запятнанной — для всех).

Что осталось неизвестным: все остальное.

— Кто он?

— Это зависит от того, — отвечаю я, — кого вы имеете в виду.

Высокомерие Сесила — лишь маска.

— Есть тот, кто лежал на сцене с твоим ножом в спине, тот, кого ты назвал убийцей, и тот, который сбежал. С кого из них ты предпочтешь начать, Тобиас?

Это не имеет значения. С кого ни начни, этого хватит, чтобы меня прикончить.

— Давай начнем с того, который скрылся, — решает Сесил за меня. — Как, ты сказал, его зовут?

— Я не говорил.

Министры обмениваются взглядами. Грань между незнанием и дерзостью, которой я стараюсь придерживаться, становится все тоньше.

— Его называли Кристофером Альбаном или Китом.

— Китом... — повторяет Эгертон (Томас Эгертон, лорд-канцлер, бакалавр Оксфорда, старейшина Линкольнс-Инн, начальник судебного архива, лорд-хранитель Большой печати. Взгляд у него острый, язык еще острее, и он совсем не дурак). — Интересное совпадение. Что еще?

— Он приехал из глубинки. — Я обхожу приманку и осторожно, очень осторожно продолжаю свой

рассказ: — Из Плимута. Он молод и неопытен. — Я хочу проглотить эти слова, оставить их при себе. Но я не могу ничего им не сказать, если должен хоть что-то говорить.

— И как же он настолько преуспел, если молод и неопытен? На сцене в главной роли, рядом с людьми лорда-гофмейстера, перед королевой — и с ножом в руках? С чертовым ножом!

Власть Сесила так велика, что его богохульство не злит епископа, который не отрывает от меня взгляда с того мгновения, как я вошел в часовню.

— Таков был план, — отвечаю я. — Позволить ему зайти как можно дальше. Не мог же я поймать неудавшегося убийцу, если не было даже попытки убийства.

— Но неудавшийся убийца сбежал, а ты оказался здесь вместо него. — Темный тяжелый взгляд как будто придавливает меня к стулу.

Надо мной, за собором, лежит Лондон. Огромный город, расползающийся во все стороны, оживающий после празднования Двенадцатой ночи. Ряженные, музыка, горячее вино и праздничные пироги, липкие от рома, сахара и масла. Один такой сунули мне в ладонь, сопроводив мрачным взглядом и сладким шепотом:

«Попадется гвоздика — выходит, ты злодей. Попадется коринка — дурак. А если лоскуток — то завидный жених. Ну и кто же ты?..»

Глава 1

КАТЕРИНА

Сейнт-Мауган, Корнуолл
27 октября 1601 года

Внезапный гулкий звук будит меня.

Поначалу мне кажется, что это отголоски моего сна, я часто просыпаюсь просто так и низачем: подскакиваю, думая, что кто-то стоит рядом или нависает надо мной. Когда же никого не обнаруживается, я испытываю облегчение, правда, временное. Но нет, звук раздается снова. Кто-то настойчиво колотит во входную дверь. Взглянув в окно, я понимаю, что на дворе ночь. Можно, конечно, спросить себя, кто это, чего он хочет, почему не дождался утра, но я не спрашиваю. Я знаю ответы на все эти вопросы.

Я знаю.

Я выпрыгиваю из постели, хватаю халат, а потом и плащ, потому что огонь в очаге давно потух и в комнате так холодно, что я вижу пар от собственного дыхания. Я бегу к окну, счищаю изморозь со стекла, вдыхаю ледяной воздух. Дрожащие огни — не теплое мерцание свечей, а жгучий жар факелов — пылают в ночи, как костры. Они тянутся далеко за ворота Ланхерна — моего дома, дома семьи Арунделов, который принадлежит моему отцу, а до того принадлежал отцу моего отца и деду моего отца, — на корнуолльские пустоши, бескрайние, как Кельтское море.

Мы окружены.

Все мои чувства приказывают мне бежать и прятаться. В этом доме с его тремя этажами и тридцатью четырьмя комнатами нет недостатка в местах, куда я могла бы забиться и подождать, пока все кончится. Но такой план никуда не годится. Мы с отцом продуывали, как повести себя в такой ситуации. Решали, что делать, если наконец выяснится, кто мы и чем заняты. Когда за нами все-таки придут.

Мой отец, сэр Ричард Арундел, рыцарь-знаменосец и генеральный казначей герцогства Корнуолльского, должен оставаться в своих покоях, как будто не знает, что происходит, точно все это для него неожиданность. Райолу, слуге отца, который на самом деле вовсе не слуга, надлежит собрать свои одеяния, сосуды, алтарное убранство и прочие уличающие его предметы и спрятаться в тайном убежище — маленькой комнатке с секретным входом рядом с камином в гостиной. Перан, лакей отца, должен открыть дверь, вместе с одной — только одной! — горничной. Этого достаточно, чтобы соблюсти формальности и при этом не выказать своего страха.

Ну а мне надо лечь в постель и затаиться. Когда явятся обвинители — а они обязательно явятся, — мне следует выйти на лестничную площадку взлохмаченной, с широко раскрытыми глазами, словно я невероятно удивлена их приходом, как будто не ждала этого все свои почти семнадцать лет. Мне нужно спросить их тонким девичьим голоском: «Что-то случилось, господа?» Напомнить им, что мой отец — семейный человек, что у него есть дочь и когда-то была жена, что он дворянин, а я леди. Заставить их осознать, кто мы. Не дать им смотреть на нас так, как они смотрят сейчас.

Как на лжецов, преступников, еретиков и предателей.

Я крадусь к двери своей спальни и, нащупав ледяную бронзовую ручку, тяну за нее. Отсюда мне видны весь коридор и лестница, ведущая к темной пустой передней и к входной двери, которая стонет под ударами. Я возвращаюсь назад и заставляю себя снова залезть в успешную остыть постель и притвориться спящей, хотя сердце колотится так, что слышно, должно быть, даже в Труро. Я закрываю глаза и про себя считаю от пяти до одного на корнуолльском. Отец научил меня таким образом справляться со страхом: я могу позволить ему взять над собой верх лишь на пять секунд. После этого я должна отпустить страх и начать действовать.

Добравшись до *dew*, двойки, я слышу шаги, стук подошв по мраморному полу. Один за другим загораются трепещущие огоньки свечей и движутся в сторону входной двери. Быстрее, чем надо бы. Шелест юбок, беспокойно переговаривающиеся по-корнуолльски голоса, которых куда больше двух, потом спокойные слова отца: «*Travyth kevys*». Это означает «все будет хорошо». Сразу два отклонения от плана, который я знаю с детства и могу пересказать без запинки, как катехизис. Я мгновенно выскакиваю из кровати и выглядываю из двери спальни. Отец, словно почувствовав, поворачивается в мою сторону.

— Возвращайся в постель, *kerensa*, — говорит он. Это ласковое слово означает «любовь». Он называл меня так в детстве и сейчас хочет успокоить, но у него не выходит.

— Отец...

— *Travyth kevys*, — повторяет он. — Обещаю.

Я киваю, но не подчиняюсь. Отступаю в тень, чтобы оставаться незамеченной. Отец медлит, вздыхает и направляется к двери. Открывает ее. За ней волнуется море лиц.

— Джон, — обращается отец к тому, кто стоит впереди: сэру Джону Гренвиллю, шерифу Корнуолльскому. (Конечно, я уже встречалась с ним, он друг отца и частый гость в нашем доме, хотя обычно все же приходит днем.) — Для игры в тридцать одно, пожалуй, поздновато. — Отец смотрит за спину сэру Джону. — В любом случае вы привели с собой слишком много людей. Это игра для шестерых, а не для шестидесяти. — Отец пытается говорить весело, но голос у него напряженный, как и лицо.

Это не тот тихий, набожный человек, который воспитывал меня с любовью и лаской, хотя мое рождение ознаменовалось смертью матери и потерей шанса на появление наследника мужского пола, в котором отец так отчаянно нуждался. Черные бархатные штаны, черное сюрко¹, отделанное соболиным мехом, плоская черная шапочка на рыжих волосах — того же оттенка, что и у меня... Самый важный человек в графстве. Но сейчас взгляд у него совсем не такой уверенный, как когда он ездит по округе, собирая налоги, посещая арендаторов или раздавая солдатам жалованье от имени королевы. Он выглядит так, как выгляжу я, когда ничего не понимаю, когда забываю придать лицу заученное выражение.

Он боится.

— Если бы я пришел играть... — отвечает сэр Гренвиль. — Боюсь, дело у меня весьма неприятное.

Он сует свой факел в чьи-то ожидающие руки и без приглашения входит. Он не снимает плаща, а слуги не предлагают свою помощь. Они уже разбежались, как мыши, затерялись в тенях — уже третье отклонение от плана.

¹ Род верхней одежды, подобие пончо. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

— Уже поздно, Джон, — снова пытается остановить его отец. — Даже я не занимаюсь делами по ночам. Разве что выпью. Но и в этом случае я так долго не засиживаюсь. Может быть, завтра... — Он хочет вытолкать сэра Джона обратно за дверь, но шериф не поддается. А потом я слышу, почему:

— Я пришел арестовать вас за многочисленные нарушения закона против рекузантов², от тысяча пятьсот девяносто третьего года. Отказ от участия в общих молитвах, таинствах и чинах англиканской церкви. Отказ принести клятву супрематии³. Отказ присягнуть ее величеству королеве как верховной правительнице англиканской церкви. Владение трудами, запрещенными на территории королевства Англия. Укрывательство человека, которого считают агентом римского епископа.

Я не двигаюсь, но дрожу всем телом. Все, что он говорит, — правда от первого до последнего слова. Но услышать это обвинение вслух значит снова осознать тяжесть наших преступлений.

Отец объяснял мне вот что: протестантская королева Елизавета боялась, что папа отнимет у нее религиозную власть над Англией, которая принадлежала ему, пока ее не захватил в свои руки отец королевы. Королева боялась, что для этого папа объединит католическую Италию с враждебными Англии католическими Францией и Испанией, что они вступят в союз, с помощью влиятельных семей Англии свергнут ее, посадят на трон католика и восстановят в Англии католицизм. Она боялась этого так сильно, что заставила всех при-

² В описываемое время — англичане и валлийцы, исповедовавшие католицизм и отказывавшиеся посещать обязательные для всех англиканские богослужения.

³ Акт о супрематии провозглашал власть монарха над церковью.

нести клятву верности ей самой и ее религии. Любая семья, не посещавшая протестантские богослужения, оказывалась под подозрением. Любая семья, тайком проводившая мессу, была под подозрением. Любая семья, укрывавшая католического священника, была под подозрением.

А точнее, обвинялась в предательстве.

Но отец не признает вину сразу.

— У вас нет оснований. — Он отмахивается от шерифа, как от мухи. — Я не хочу ссориться с вами, Джон, но отвечать должен не перед вами, а перед ее величеством. И если вы явились в мой дом не по ее приказу, я вынужден пожелать вам доброго вечера.

Он снова пытается выгнать Гренвиля за порог. Но Гренвиль сует руку за пазуху и достает свиток пергамента, запечатанный снизу королевской монограммой, которую вижу даже я.

ER.

Elizabeth Regina.

Королева Елизавета.

Это последняя возможность что-то сделать, выйти, сыграть свою роль, хотя все остальное пошло неправильно. Я сбрасываю плащ — вряд ли я надела бы его, только выбравшись из постели, — затягиваю завязки рубашки. Лужица лунного света лежит на темном полу коридора. Я вступаю в нее, чтобы меня разглядели. Я воображаю, что стою на хорах, как каждое воскресенье, когда собираюсь петь перед прихожанами. Это меня успокаивает.

— Что происходит?! — Это новая строчка, ее нет ни в каком плане, но как я могу спрашивать, не случилось ли чего, если и так ясно, что случилось, если дело чуть не дошло до драки.

— Катерина, — смотрит на меня отец. Сэр Джон тоже смотрит. И красные рожи в дверях, освещенные

факелами. — Катерина, возвращайся к себе. Это тебя не касается.

Но сэр Джон не согласен. Он щелкает пальцами, и два мужика врываются в дверь и ломятся по лестнице ко мне. Я понимаю, что бегство означает признание вины, так что позволяю им схватить себя за руки и оттащить к шерифу. Он смотрит на меня, я смотрю на него.

— Катерина Арундел, что вы ответите на обвинения, предъявленные вашему отцу и вашему дому? Обвинения в рекузанстве и незаконном исповедании католической веры?

— Католической веры, сэр? Я не понимаю, о чем вы. Я видела вас на прошлой неделе в церкви Святого Эвала. На вечерне, помните? Мы пели «Пробудись, душа», это мой любимый гимн. Я очень люблю, когда регент заставляет нас растягивать слово «пробуди-и-ись»...

Да, я веду себя как дура, но это, кажется, помогает. У меня красивый голос, я это знаю, и вроде бы тем, кто держит меня за руки, он тоже нравится. Они отпускают меня, смотрят и улыбаются. Я перестаю петь и складываю руки, как для молитвы, как будто слова так тронули меня, что я не могу продолжать.

Но сочувствие сэра Джона так же скудно, как его мешочек с церковной десятиной, и он мрачно произносит:

— Ваш отец более года не посещал англиканские богослужения.

— Но ведь он очень занятой человек, — благочестивым тоном говорю я. — Обязанности заставили его уехать надолго...

— Вы ушли от ответа. Спрошу еще раз, прямо: вы католичка или нет?

Я знаю ответ на этот вопрос. Отец написал его мне, и это очень просто запомнить, но трудно произнести

с выражением. Я должна отрицать все, что мне известно: отца, воспитание, всю свою жизнь. Но, кажется, мое молчание было сочтено ответом.

— Обыщите дом, — велит Гренвиль своим людям.

Я не успеваю даже пискнуть в знак протеста, как дверь сносят с петель и переднюю наполняет топот сапог и голоса двух дюжин мужчин, требующих правосудия. Отец пытается остановить их, но тщетно. Он обнажает шпагу, но сэр Джон обнажает свою, и они обмениваются ударами, пока остальные рассыпаются по дому.

Они бегут по лестнице, врываются в одну комнату за другой. Все они вооружены: кто-то мечом или ножом, кто-то факелом, кто-то дубиной или булыжником. Они срывают со стен драпировки, вспарывают обивку кресел, так что оттуда летят перья, ломают ножки стульев. Отбрасывают ковры, вскрывают половицы. Слуги, до того безмолвные, начинают кричать и плакать, метаться по дому в ужасе и негодовании, искать выход.

Я не знаю, что мне делать, и никто не может дать мне указание. Райол прячется, отец сражается с сэром Джоном, а остальные бегают и кричат. Наконец мысль о том, что меня может схватить кто-то из людей Гренвиля, заставляет действовать. Я прячусь за массивный шкаф, стоящий в углу под лестницей. Я пряталась там в детстве, и места было маловато даже тогда. Сейчас я едва влезаю.

Я сворачиваюсь комочком, не двигаясь и почти не дыша, и смотрю на отца и сэра Джона. То, что начиналось как чинный обмен ударами, превратилось в безобразную драку. Клинки взлетают и опускаются, почти достают до сердца, живота или горла — еще дюйм-другой, и удар стал бы смертельным. Я не понимаю, кто выигрывает, но, услышав крик, смех и слова

«Нашел», я понимаю, что мы проиграли. Отец оглядывается на эти звуки, отвлекшись на короткий миг. Гренвиль достает его. Клинок утыкается в грудь отцу, так что тот больше не может пошевелиться.

Два человека втаскивают в переднюю Райола, еще один несет его молитвенник, второй — потир, третий — дискос. Все эти предметы используются во время мессы, но люди Гренвиля потрясают ими над головой, как победными знаменами. Гренвиль безжалостно оглядывает эту сцену. Отец прижимается к стене. Он судорожно дышит, и плечи у него вздрагивают. Он напуган не меньше меня.

— Это ваш слуга, Ричард? — Торжествующий блеск в глазах сэра Джона гаснет. Может быть, он вспоминает, как отец однажды дал ему отсрочку платежа, или о вечерах, которые они провели за картами. Может быть, он думает, что много раз видел меня на англиканской службе, и я всегда была одета в свое лучшее платье. Как бы то ни было, он схватил kota за хвост и не знает, отпустить ли его.

— Если вам было неизвестно, что он католический священник, который использует ваш дом, чтобы плести заговор, самое время сказать об этом.

Отец молчит.

— Вас повесят, Ричард, — Гренвиль произносит то, о чем я не осмеливаюсь даже подумать. — Вы лишитесь земли и титула. Вас казнят как предателя.

Отец смотрит на Гренвиля. Мгновение, другое... проходит целая вечность, прежде чем он открывает рот:

— Я знаю этого человека, он мой пастырь и такова моя вера. Довольно я отрекался от нее, более я этого делать не стану.

Сэр Джон щелкает пальцами. Один из его людей хватает отца за руку. Отец приглушенно стонет и делает шаг вперед. Его шпага падает на пол. Мгнове-